

УДК 159.9:908

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС****Герасимчик А.П., Богданович А.Б., Карпиевич В.А., Сергеев В.Н.**

Рассмотрены социально-психологический, культурный и исторический аспекты такого феномена общественной жизни как культура безопасности жизнедеятельности. Предпринята попытка проследить эволюцию социокультурных практик, направленных на осмысление и снижение рисков и угроз, связанных с чрезвычайными ситуациями. Обозначены уровни культуры безопасности, выявлены отличия формирования и функционирования каждого из них. На историческом и этнографическом материале проиллюстрированы особенности восприятия опасности и способы ее снижения.

Ключевые слова: культура безопасности жизнедеятельности, психология безопасности, социокультурные практики, прагматическое мышление, рационализация рисков, социализация, коллективные представления.

(Поступила в редакцию 26 декабря 2017 г.)

Введение. Термин «культура» является одним из наиболее употребляемых во всех отраслях современного знания. Концептуальное наполнение сотен имеющихся его определений напрямую зависит от решаемых при их помощи исследовательских или практических задач. Именно практическая целесообразность привела к появлению актуального в последнее десятилетие понятия «культура безопасности жизнедеятельности». Формирование таковой является одной из приоритетных задач государства и, в частности, деятельности Министерства по чрезвычайным ситуациям. В связи с этим целесообразно еще раз обозначить, какой исторический, социокультурный, социально-психологический и, шире, смысловой контекст за ним стоит – несмотря на «молодость» термина, явления, которые он описывает, на протяжении веков являлись органической частью жизни общества.

К вопросу объема понятия. Содержательно «культура безопасности жизнедеятельности» является расширенным производным от категории «культура безопасности», разработанного структурами Организации Объединенных Наций по результатам анализа причин аварии на ЧАЭС. Согласно глоссарию МАГАТЭ культура безопасности – «набор характеристик и особенностей деятельности организаций и поведения отдельных лиц, который устанавливает, что проблемам защиты и безопасности, как обладающим высшим приоритетом, уделяется внимание, определяемое их значимостью» [1, с. 5].

Подчеркнуто «деятельностный» акцент в определении способствовал своеобразному переносу заданного в нем понимания в иные сферы человеческого бытия – активность, направленная на обеспечение личной и общественной безопасности, характерна для всех областей жизни. Так оформился концепт «культура безопасности жизнедеятельности», среди наиболее распространенных трактовок которого, например, следующие: это «состояние общественной организации человека, обеспечивающее определенный уровень его безопасности в процессе жизнедеятельности» [2, с. 83]; «составная часть общей культуры, характеризующая уровень подготовки в области безопасности жизнедеятельности и осознанную потребность в соблюдении норм и правил безопасного поведения» [3] и т. д. Все приведенные дефиниции можно отнести к числу т.н. нормативных определений культуры [4, с. 50–53], связывающих ее становление и динамику с выработкой *регулятивов* (социальных норм), фокусирующих направления социальной активности, мировоззрение, модель, стиль и образ жизни ее носителей. Подобная детерминация всех перечисленных сфер подразумевает опору на *ценности* (например, обязанность, ответственность и др. [5, с. 6]), лежащие в основе нормативных установлений.

Именно в этой связи культура безопасности обладает рядом характерных черт, которые ниже следует вкратце обозначить, снабдив некоторыми отсылками к историко-социальному контексту.

Психология и культура безопасности жизнедеятельности как способ объективации потребности в безопасности. Если на уровне индивида следование нормам есть способ «опредметить» врожденную потребность в безопасности, то в разрезе социального речь идет скорее о способах минимизации рисков, направленных на обеспечение выживаемости сообщества в целом (в терминологии А.С. Ахиезера [6]).

В любом случае наличие и персонального, и коллективного стремления к безопасности может выступать в качестве исследовательской аксиомы: избегание боли, смерти, ущерба является одним из базовых компонентов психической деятельности. В этой связи можно предположить, что если какая-либо сфера индивидуальной либо коллективной жизни не содержит способов обеспечения безопасности, то индивид или группа в принципе опасности «не видят». Во всех остальных случаях методы защиты и смягчения угрозы есть, но их содержательное наполнение зависит от способов интерпретации и репрезентации опасности субъектом либо сообществом (даже если с точки зрения современной рациональности они не имеют смысла, либо не распознаются в качестве таковых).

Индивидуальный уровень «культуры безопасности» можно описать через набор личных житейских практик, при помощи которых индивид прогнозирует угрозы, описывает их (для себя), «ведет себя» по отношению к ним. Речь идет о деятельности, не выходящей, как правило, за рамки персонального жизненного мира, и в этом смысле следование нормам с одной стороны, не доставляет человеку особых хлопот, а с другой – может быть объяснено им через призму личностной значимости (конечная цель – «я в безопасности»).

На втором, *общественно-бытовом уровне*, уровне сообществ, люди стали не только осознавать необходимость соблюдения определенных правил, но и вырабатывать способы (максимально точной) трансляции накопленного опыта последующим поколениям. В этот же период стали возникать первые социальные запреты и правила, касающиеся того, как вести себя со стихиями, и чего делать нельзя. Усвоенные в рамках социализации правила и ритуалы поведения стали частью коллективной жизни, они содержали в себе социальный опыт поколений и способствовали своеобразной рефлексии опасностей и угроз (посредством механизма осознания через запрет), освобождению социальных сообществ от «проб и ошибок» предшественников. Именно на этом уровне люди стали сознавать коллективную потребность в безопасной жизнедеятельности (конечная цель – «мы в безопасности»), а передаваемые знания в связи с этим наделялись особой ценностью (как гаранты снижения риска). Если в ходе социализации эта ценность подчеркивалась особо, то следование нормам не доставляло человеку особых хлопот – членство в сообществе фактически увязывалось с унификацией поведения и мировоззрения («я действую как все»). Весь вопрос заключался и заключается в том, в каких сферах жизни индивиду оставляется та или иная степень свободы, а что является обязательным и подвергается социальному контролю. Здесь же особую роль начинает играть институт религии. Задача мифологических и религиозных систем состояла помимо прочего в том, чтобы посредством мистифицированного описания мира объяснять людям те или иные явления и запрещать действия, которые могут нанести вред обществу.

Социально-правовой уровень складывается в период зарождения государственности. На данном уровне нормы и правила общественной жизни получают окончательное социальное признание и формулируются в виде правовых актов. С развитием государства эти нормы становятся обязательными, за их несоблюдение следует наказание. Причем с точки зрения и отдельного человека, и сообщества, в которое он непосредственно входил, подобные предписания выглядели привнесенными извне, из-за рамок (его и ближайшего окружения) жизненного мира. Степень «инородности» формируемых таким образом регулятивов зависела от персонального отношения и, в большей мере, от позиции сообщества, с которым человек себя идентифицировал. Это предопределяло и дальнейшую стратегию – следование нормам, игнорирование их, трактовку их содержания и т. п.

В этот период формируются и специальные институты, которые следят за соблюдением правил безопасности и привлекают нарушителей к ответственности (конечная цель – «общество в безопасности»). В таком случае речь идет о целенаправленном выделении ресурсов общества на мероприятия в области безопасности с опорой на общий интерес. Именно на этом уровне стало возможным включение борьбы с пожарами в систему *общественного разделения труда*.

По данным ряда авторов известно, что первое упоминание о работе пожарных команд относится к древнему Китаю [7, с. 11], а одни из первых специализированные подразделения по борьбе с пожарами были созданы еще в Древнем Риме, что неудивительно с учетом масштабов возможных катастроф. Сохранилось имя создателя первой профессиональной дружины – Игнатиус Руфус. Он создал отряд пожарных в 30 году до н. э. и направлял его на тушение всех пожаров в городе. А одним из первых организаторов профессиональной пожарной охраны стал император Август [8].

Безопасность в практиках повседневности. Социальные регулятивы индивидуального и общественно-бытового уровней в большинстве случаев их носителями не рефлексированы. Являясь частью усвоенных традиций повседневности, они определяют деятельность человека, действуя главным образом «из фона». Объяснительным принципом, характерным для подобных случаев, чаще всего является следующий: «Почему делать нужно именно так? – Потому что так принято, положено, нужно, правильно, научили и т. п.». Это в равной степени касается и технологий, и поведенческих моделей, и мировоззренческих установок. Именно такие нормативные установления являются наиболее прочными, независимо от того, какой области касаются. В полной мере это относится и к сфере безопасности.

На протяжении столетий человеческими сообществами вырабатывались традиции, выстроенные с учетом фактора безопасности как отдельного приоритета (т. е. в сущности – культура безопасности жизнедеятельности). Так, исследуя древнейшие стоянки первобытных людей, археологи обнаружили первые очаги, которые были обустроены определенным образом. Это уже не было обыкновенное кострище, а *продуманный очаг*, обложенный камнями. Несомненно, древние люди заметили способность камня при нагревании накапливать тепло и затем отдавать его. Но фактом остается и то, что выложенные по кругу камни выполняли защитную функцию: не давали огню распространиться за пределы очага, особенно когда все спали и не могли следить за огнем [9].

Культура предотвращения: архаичный пласт. В качестве допущения мы можем исходить из того, что в самом общем смысле предотвращение базируется на определенном способе репрезентации причинно-следственных отношений факторов, ведущих к катастрофе, и их личностной оценке.

Современное рациональное мышление основано на ретроспективном поиске причинно-следственных связей какого-либо события (например, катастрофы), которые из области неочевидного переводятся в разряд видимых: «Сталкиваясь с различными физическими силами... мы всегда полагаемся на возможно более широкое и возможно более точное знание законов природы...» [10, с. 6]. При этом критерием подбора «подходящих» причин выступает их *непротиворечивость* друг другу (иными словами – соблюдение законов логики). Причины могут считаться антропогенными (например, неосторожное обращение с огнем, ошибки), техногенными (авария, поломка), естественными (молния), при этом они могут сочетаться, но они не могут быть, например, антропогенными и природными *одновременно*. Благодаря классификации, построению причинно-следственных связей, факторы ситуации при их осмыслении «повторно вводятся» в ситуацию и могут служить основаниями для принятия решений сейчас и прогнозированию, экстраполированию на будущее.

Более архаичное понимание каузальной обусловленности события основано на феномене т.н. *пралогического мышления*. В его содержании можно выделить несколько характерных черт.

Во-первых, для него характерна *склонность к простым объяснениям*, установка на то, что все причинные факторы в ситуации наблюдаются сразу (скорее даже лежат на поверхности), они смежны с ним в пространстве и времени (т.н. принцип партиципации) [11, с. 364]. В ее основе лежал своеобразный эффект отторжения неочевидного, отказ от поиска для объяснения «чего-то еще», факторов, лежащих вне наблюдаемых обстоятельств (в отличие от современной рациональности). Это предполагало некую специфику осмысления природы любого процесса (например, катастрофического), чье начало положено событиями, не присутствующими в данной ситуации (предшествующими либо параллельными). Его оценка, в том числе эмоциональная, начиналась лишь в тот момент, когда факторы процесса начинали действовать на индивида непосредственно. Все объяснения в таком случае были ориентированы не на выход за пределы опыта и тем самым его обогащение, а на выявление в происходящем исключительно уже известного (редукция к известному важнее, чем «прирост» информации).

В этом смысле в основе традиционной культуры предотвращения (термин из работы В.Н. Кузнецова [12]) лежала своеобразная «прогностика», основанная на устоявшейся мифологической картине мира и построенная по принципу «если ... (действие), то ... (эффект)». Многочисленные этнографические данные позволяют выделить, например:

использование «катастрофических» сюжетов в приметах (генерализация частного случая): «Если пожар видишь – мороз будет» [13, с. 8], «Если буря ломает деревья или выворачивает их с корнем, тогда и люди будут очень умирать» [14, с. 66], «Хто з пожару ўкрадзе што-небудзь, та тое потым згарыць» [15, с. 134] и т. п.;

«методики» предупреждения (сдерживание масштабов катастрофы либо ее «использование на будущее»): «Во время пожара в некоторых местах выносят иконы и стоят с ними около дома, а также в предохранение от огня, бьют вербой каждый угол в доме», «Когда бывает гроза, то крестьянин выносит на двор ту скатерть, на которой лежало свящонае (пасхальные яства), а также лопату, которую сажают хлеб в печь» [16, с. 187]; «Когда услышишь первый гром, нужно покататься по земле, тогда не будешь бояться грозы, не убьет молния», «Во время грозы надо вынести во двор хлебную лопату и пасхальный убрис, тогда туча разойдется и не будет града» [14, с. 64];

своеобразные ритуалы, сопровождающие ликвидацию: «Над пожарами лятаюць якіясь неведомыя пташкі. Яны хватаюць у дзюбы галавешкі й раскідаюць іх на другую будоўлю. Каб іх суняць, трэба трэйко абыці пажар, гавораць “да васкрэсне буог”», «Як загарыцца ад перуна, та тушыць трэба малаком, а не вадою, бо ад вады будзе ... гарыэй гарыць» [15, с. 134–135].

Во-вторых, ему свойственна особая «когнитивная обработка» ненаблюдаемых факторов: они часто переводились в разряд *сверхъестественных*, что по сути являлось поводом остановить дальнейшую рефлексию над ними и прекратить поиск дополнительных причин (т.к. сверхъестественное постижимо мало). Тем самым ненаблюдаемые факторы выводились из числа поддающихся контролю («меня не касается», «а что я могу?») и т. п.), но их можно только принимать и учитывать в своей деятельности. Существовали и представления о некой категории людей, способных непосредственно с такими силами контактировать («посредники»), что подразумевало к ним особое отношение: «...затем находим указание на то, что чародеям повиновался огонь. Так, слуга Сапеги в деле поады Громыкиной показал, что три раскаленные угля, вылетевшие из трубы, упали: один на избу, с которой перелетел на другую избу и воткнулся в балку, а другой вблизи ворот... Вследствие чар жены Убы сгорело все три дома...» [17, с. 224].

В-третьих, способом сделать происходящее вокруг понятным и отчасти контролируемым, являлась склонность к *персонификации* – некие явления (например, огонь [18]) наделялись мотивацией, способностью «замышлять», интересами, эмоциями, поведенческой активностью и т. п. Благодаря этому с сверхъестественными силами возможно было вступать в своеобразные отношения, вести себя по отношению к ним, отвлекать, отпугивать и т. п. Важную роль играла вербализация своих действий и воздействий (например, на стихию) [19, с. 74]. Что важнее всего, это позволяло давать приемлемые объяснения происходящему (например, «В страшных лесных ураганах, разрушающих сотни деревьев, полешук видит чертову свадьбу» [20, с. 352]).

В-четвертых, важным элементом традиционного понимания была его *аффективность*. Базовой эмоцией в этом смысле несомненно являлся страх (в этом отличий от современности не существует): «Сам страх выступает в роли универсального тревожного индикатора в динамике социальных и культурных, техногенных, экологических изменений: он “сигналист” о возможных нежелательных последствиях при необходимости нарушить какие-либо общеизвестные правила, традиции, закономерности ради самых благих намерений» [12, с. 51].

В одной из работ Л. Леви-Брюля описывается формула («мы не верим, мы боимся»), «цементирующая» традиционное понимание многих явлений и опасностей и закрепленный ритуалом порядок действий в связи с ними: «Все наши обычаи исходят от жизни и направлены к ней (они отвечают потребностям практики). Мы не объясняем ничего, мы не верим ни во что (нет представлений, вытекающих из потребности знать и понимать) ... мы боимся... Мы не знаем, как что происходит, мы не можем сказать почему это происходит, но мы соблюдаем эти правила, чтобы уберечь себя от несчастья» [10, с. 9–10]. Причем ритуал, даже основанный на рациональных идеях, в этой связи обладает своеобразной психологической самоценностью, поскольку подчеркивает принадлежность к конкретному обществу, производящему их [21, с. 36], упрощает жизнь, стереотипизируя ее [22, с. 7], но в любом случае *является способом реагирования* (активности, «небездействия») в ответ на любые вызовы (в т.ч. катастрофические).

Наконец, подобный характер мышления и представления носил выражено коллективный характер, причем он был укоренен *во всех сферах жизни* сообществ *одновременно* – от технологий возведения жилищ до интерпретации любых наблюдаемых явлений [23]. Человек усваивал систему правил, в том числе связанных с безопасностью, потому что являлся частью своего культурного сообщества (всю жизнь) и поддерживал их в устояв-

шемся виде, поскольку так делало его социальное окружение (а он был его частью): «С помощью коллективных представлений, имеющих мифологическую природу, заимствованных личностью из «надындивидуального» опыта, можно представлять реальность в комфортном, упрощенном и более понятном виде, использовать готовые, уже существующие «технологии» в форме традиций, обычаев, ритуалов. При этом значительная доля ответственности за их использование возлагается на автора данного продукта, т. е. на коллективные представления, социальные стереотипы, явившиеся результатом совместной деятельности сообщества, с которым стремится идентифицироваться человек» [24, с. 6].

С одной стороны, это обеспечивало высокую степень мировоззренческой унификации сообществ. Но с другой – делало человека адаптивным к условиям катастрофы *ровно настолько, насколько позволяли эти правила*: «для самосохранения и защиты они (носители прагматического мышления – авт.) имеют в своем распоряжении традиции, унаследованные от предков...» по сути закрытые от рефлексии [10, с. 7]. Тем самым у подобных сообществ практически отсутствовали внутренние ресурсы для модернизации мировоззрения и культурных практик.

Так, одним из наиболее сложных вопросов, возникающих при исследовании печей древнеславянских жилищ, был вопрос о дымоходах. Археологические данные свидетельствуют, что большинство печей в славянских домах дымоходов не имели и топились по-черному. Печи, как правило, располагались в дальнем от двери углу, дым наружу выходил через устье и далее – через дверь. При этом дома простых крестьян и горожан так отапливались вплоть до XVIII в. В эпоху Киевской Руси даже дома зажиточных людей отапливались таким же способом. И только в отдельных жилищах XII–XIII вв. при археологических раскопках находили фрагменты глиняных труб, которые могли быть частью дымохода [9]. Однако любопытно при этом, что в докладах Минской губернской земской управы II очередному земскому собранию в 1913 г. (!), где помимо прочего содержались различные проекты организации огнестойкого строительства, в предлагаемых мероприятиях фигурирует идея запрета «черных (курных) изб» [25, с. 10].

Так или иначе, чем выше была культурная монолитность сообществ, производящих нормы культуры безопасности жизнедеятельности, тем сложнее они поддавались любым изменениям (в смысле готовности добровольно изменить уклад жизни) и тем более катастрофические события должны были произойти либо радикальные модернизационные мероприятия должны были быть проведены, дабы вызвать эффект трансформации.

Укорененность традиционных практик безопасности в коллективной жизни человека парадоксальным образом приводила к серьезной проблеме: консерватизм нормативных установлений на персональном (житейском) и отчасти общественно-бытовом уровнях противоречил логике быстрых (в том числе) необходимых изменений. Составляющая их совокупность неписанных правил и предписаний, как отмечалось, усваивалась в процессе социализации, весьма слабо рефлексировалась и благодаря этому была крайне инерционна. Процесс транслирования культуры на протяжении многих столетий оставался (и во многом остается до сих пор) весьма рутинным, воспроизводящим одни и те же образцы (технологий, поведения, мировоззрения).

С одной стороны, ригидность традиции способствует накоплению культурных образцов (традиционных технологий, способов поведения и т. п.), некогда доказавших свою (понятную в сообществе) эффективность. Кроме того, именно традицией закрепляется социальная стратификация домодерных обществ [19]. Но с другой стороны – следование коллективным предписаниям обладало безусловным приоритетом над окружающей реальностью. По большому счету человек видел последнюю исключительно через «очки», «надетые» на него его сообществом, коллективные представления были важнее естественного хода вещей иногда даже вопреки здравому смыслу [23].

В итоге, привнесенные государством правила, в случае противоречий со сложившимся жизненным укладом, могли восприниматься как чуждые и необязательные к исполнению (так, как будто забота о безопасности людям не нужна). Столетие назад это могли объяснять, например, низким уровнем культуры как таковой. Мероприятия, предусмотренные, в частности, Уставом пожарным Российской империи [26, 27], включавшие целую систему мер в том числе запретительного характера, часто не могли быть эффективными из-за неготовности населения принимать их в качестве руководства к повседневной деятельности: «наше крестьянское население слишком мало развито, чтобы осознавать необходимость соблюдения обязательных постановлений... оно склонно на

всякое такое постановление смотреть как на меру принудительную» [28, с. 248]. Это вынуждало смягчать и усложнять воздействие на население: «Относительно мероприятий принудительного характера необходимо указать, что их следует проводить с большой осторожностью, чтобы при малокультурности нашего крестьянства не получить отрицательных результатов» [25, с. 37]. А также искать обходные пути воздействия: через школы (т. е. изначально социализировать правильно), доводить информацию доступным языком, «неустанно внушать им о постоянно грозящей опасности от огня» [29].

Однако эти усилия так и не смогли дать тот результат, на который рассчитывали инициаторы. Например, многочисленные попытки привлечь население к предупреждению и ликвидации в форме наделения персональной ответственностью за безопасность, а также предоставления неких второстепенных функций в чрезвычайных ситуациях (правила поведения, обеспечение пожарным инвентарем и т. п. [26, 27, 30]), оказались недостаточно эффективны: «Опыт прошедшего времени доказал, что оставление борьбы с пожарами на совести и ответственности каждого в отдельности домохозяина никакой пользы делу не принесло и те пожарные инструменты, которые... должен иметь в постоянной готовности каждый домохозяин... имеются только на прибитых к избам дощечках» [25, с. 3].

И тогда подобная ситуация могла (и может) приводить, по меткому замечанию президента Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Д. Шерпителя, к своеобразному эффекту «*реконструкции риска*» [31] – восстановлению жизнедеятельности после катастрофы или бедствия в том же виде, в котором она осуществлялась до трагедии (без внесения нового). В итоге формируется замкнутый цикл «риск / катастрофа / реконструкция риска», который может продолжаться десятилетиями. Если сравнить данные различных эпох о причинах пожаров, например, в сельской местности, то мы увидим отсутствие принципиальных изменений: неисправность печей, неосторожное обращение с огнем, несоблюдение элементарных правил безопасности и т. п. остаются актуальной проблемой [28, с. 247; 32].

В этом смысле модернизация мышления и всех подразумеваемых ею жизненных практик стала возможна лишь в тот момент, когда это стало политическим проектом.

Культура безопасности «сверху»: сферы становления. Социальные регулятивы, определяющие, как именно себя вести в той или иной ситуации, не даются человеку с рождения. Они формируются постепенно, в ответ на некие вызовы среды, и в связи с наличием потребности в безопасности. В каком-то смысле нормы хранятся в культуре и транслируются ею, но количество регулятивов всегда больше, чем может освоить конкретный человек. Говоря иначе, нормы имманентны культуре, а не человеку. Актуализация потребности может заставить человека или группы людей освоить набор имеющихся либо выработать новые правила поведения. Во втором случае необходимость этих правил должна быть доказана, и при любом сценарии правилам можно обучить.

Чем более масштабными по охвату являются эти правила, чем быстрее они должны быть внедрены (в противовес процессам длительной социальной эволюции), тем более высококоранговые институты должны быть в подобной процедуре задействованы. Чаще всего, разумеется, речь шла именно о государственных структурах, концентрирующих собственные усилия на нормативном (т. е. привнесенном в общественную жизнь извне) регулировании вопросов безопасности с постепенным расширением области собственного внимания. Причем изначально нормативные усилия были сконцентрированы в области экономического по сути регулирования. Подобная логика прослеживается на протяжении столетий в целом ряде регионов и принятых там нормативных установлениях: законах Хаммурапи (кража с пожаров (§ 25) и ущерб нанесенный имуществу в результате «техногенных аварий» (§ 56–57)) [33]; хеттских законах (возмещение ущерба при поджогах (§ 98–100) и неосторожном обращении с огнем (§ 105–106)) [34]; римских Законах XII таблиц (дифференциация наказания за преднамеренный и непреднамеренный поджог) [35], а также мерах предупреждения по разведению огня в церемониальных целях (Таблица X, п. 9) [35]; Византийском законодательном своде (о дифференциации наказаний за умышленные поджоги и неосторожное обращение с огнем) [36]; «Салической правде» (штрафы и возмещение убытка за поджоги) [37, с. 258]; «Русской Правде» (ответственность за поджоги) [38] и т. п. В более поздних документах уже можно наблюдать попытки введения профилактических мер. Например, п. 278 главы X «О суде» «Соборного уложения 1649 года» предписывалось также, чтобы «печи и поварни на дворе к стене соседа своего никому не делати. А будет кто на дво-

ре у себя зделает печь или поварню и к стене соседа своего, и в том на него от соседа его будет челобитье, и у него ту печь и поварню от стены соседа его отломать, чтобы соседу его от тоя его поварни и печи никакова дурна не учинилося» [39]. Тенденция прослеживается и далее и в более поздних документах, например, в Уставах пожарных Свода законов Российской империи (редакции 1832 и 1857 гг.) законодательное регулирование касается и системы профилактических мер, и организации борьбы с пожарами (включая комплектование пожарных дружин, их оснащение), и строительства, и страхования [26, 27].

Указанные тенденции напрямую связаны с процессами урбанизации, усложнения социальных структур, модернизацией институтов управления, и в дальнейшем – становлением современных обществ, сложность которых «побуждала» к мерам безопасности.

В частности, на территории Беларуси большое влияние на формирование правовых норм и правил по борьбе с пожарами оказало распространение Магдебургского права. На магистраты, которые создавались в городах, ложилась ответственность за борьбу с пожарами и другими бедствиями. В свою очередь, городские власти активно к этому привлекали население. Вероятно, коллективное участие в борьбе с огнем первоначально регулировалось нормами обычного права, но к моменту кодификации законодательства Великого Княжества Литовского приобрело повсеместный характер. В это же время в крупных городах наместниками-«державцами» или самими мещанами начинают вводиться обязательные постановления по правилам пожарной безопасности, которые несмотря на жалобы против «тоя новины для огню», постепенно оформились в так называемые «огненные порядки».

Однако описанные процессы неизбежно приводили к противоречиям персональных, групповых и институциональных интересов в сфере безопасности. Именно применительно к последней практически во всем мире исторически сложился и действует принцип приоритета государственного и общественного над персональным (в отличие от, например, экономики либо политики).

Совершенно очевидно, что высокоранговые общественные институты способны вносить в размеренную социальную жизнь значимые изменения, даже если отдельным группам и индивидам их необходимость неочевидна. При этом обоснование подобных изменений и необходимость следования им приобретает не только законодательный, но и нравственный (образ «сознательного гражданина») и даже идеологический характер [40, с. 15], напрямую связанный с осознанием цены катастроф для государства и общества в целом. Это подчас требовало серьезной политической воли, глубоко концептуального обоснования и новаторского мышления.

Так, огромное влияние на формирование представления о безопасности жителей и защиты их от пожаров было сделано крупнейшим представителем польского Возрождения Анджеем Фрич-Моджевским. В 1551 г. им был опубликован в Кракове на латыни труд «Об исправлении государства», в котором автор разработал правила «Об избежании пожаров и их тушении» (часть II, раздел XIII). Фрич-Моджевский объяснял свою заинтересованность вопросами пожарной безопасности тем, что «написал я их, из побуждений милосердия, поскольку не только у всего народа, но и у известных мужей видел беспомощность и безразличие в борьбе против пожаров», от которых «редко случается так, чтобы не сгорали целые деревни, а временами и целые города» [41].

Осознавая, что именно в деревянной застройке кроется одна из основных причин опустошительных пожаров, Анжей Фрич-Моджевский призывал к строительству кирпичных домов. Развивая эту идею, он предлагал подготовить необходимое количество ремесленников, указывая, что «если посчитать, сколько нужно денег на возведение дома после каждого пожара, воистину выйдет, что деревянный дом обходится дороже каменного, стоящего веками» [41]. При этом автор считал, что предупреждение пожаров является задачей не столько простых обывателей, сколько администрации и городских властей. Именно им он предлагал ввести и осуществлять контроль за соблюдением простых правил, задав тем самым своеобразный тренд.

Обеспечение безопасности общества зачастую требовало весьма масштабных вмешательств, осуществлять которые не способны даже относительно многочисленные культурные сообщества: мотивация к подобной модернизации общественной жизни отсутствует в персональной жизни индивидов, не вытекает из их ценностей, связывающих сообщества (а иногда и противоречит), и выгоды самих изменений не сиюминутны и для многих неочевидны. Кроме того, они безусловно экономически накладны, поэтому лишь крупные катастрофы могли стать толчком к изменениям.

В этом смысле типичной является история г. Минска. Известны самые крупные пожары в Минске: в 1084, 1547, 1698, 1762, 1812, 1835, 1865, 1881 гг. Кроме них ежегодно возникали десятки мелких пожаров и возгораний. Город обладал целым спектром типичных «хронических заболеваний» (деревянные здания, плотная застройка и др.). Власти, осознавая всю опасность такого устройства городов, стили принимать решения об организации городского строительства.

Однако серьезные изменения последовали лишь после пожара 1881 г., в результате которого сгорело 742 домовладения со всеми постройками и 321 городское здание, включая восемь правительственных учреждений. Практически город представлял собой огромное пепелище [42], что вынудило постепенно изменять градостроительную политику (т. н. «несгораемый квартал»), вводить профилактические правила для горожан [43] и привлекать их в добровольные пожарные дружины.

После революции в России 1917 г. произошли значительные изменения в системе обеспечения пожарной безопасности. 17 апреля 1918 г. был подписан декрет Советской власти «Об организации государственных мер борьбы с огнем», в котором были заложены первые основы и система советской пожарной охраны, учрежден центральный орган управления – Пожарный Совет при ВЦИК. Постепенно стала создаваться государственная структура по борьбе с пожарами и другими ЧС [44].

Рационализация стихии как индикатор модернизации представлений о безопасности. Как отмечалось, на протяжении столетий сформировался естественный для домодерной культуры взгляд на стихию как инвазивную (вторгающуюся) силу, лежащую практически вне человеческого контроля, либо подобный контроль возможен в весьма незначительной степени. Одними из немногих его способов было не только следование закрепленным в практике рутинным технологиям обеспечения безопасности (например, правильная организация очага), но и корректное выстраивание «отношений» с ней в рамках следования многочисленным ритуалам и иным магическим, религиозным и социокультурным практикам.

С позиций современного рационалистического взгляда иногда сложно объяснить логическое противоречие, лежащее в основе упомянутой выше реконструкции риска: несмотря на регулярные масштабные пожары, различные культурные сообщества десятилетиями даже не пытались внести, например, хоть небольшие изменения в технологию постройки жилищ из огнеопасных материалов. Однако еще раз следует подчеркнуть, что с позиций традиционного мировоззрения никакого противоречия в принципе нет: соблюдение всех необходимых обрядов и ритуалов в отношении стихии *и было способом контролировать ее* в пределах собственных возможностей.

Парадоксально, но и в современном обществе ритуал, обряд или (иррациональные) убеждения как способ контроля над угрозами (уже техногенными) также весьма распространены («нарушение норм ПБ не приведет к аварии, потому что я везучий, я хороший человек, я верю в благополучный исход, в авось, все всегда так делают – и ничего не случается и т. п.»), особенно если они укоренены в коллективном поведении. И для т. н. городской, и для сельской, и для массовой культуры характерно некоторое пренебрежение вопросами безопасности, что может означать, как отмечалось, две вещи: либо соответствующие сообщества не воспринимают на свой счет угрозы и опасности, либо способы защиты (психологические, социальные и т. п.) существуют, и неэффективны они только с точки зрения специалистов (или не видны последним в принципе).

Тем не менее по мере развития общества постепенно видоизменяются и представления о безопасности. В частности, одним из магистральных направлений изменений мировоззрения стала *рационализация стихии*: выявление разумных причин происходящего, установление зависимости катастроф от характера собственной жизнедеятельности, расширение в связи с этим числа параметров возникновения, например, пожаров, на которые человек может влиять и т. п. Постепенно подобный процесс приводит к тому, что управление государством стало включать в себя и меры по управлению безопасностью и регулированию рисков.

В конечном итоге в современном обществе происходит (но далеко не завершен) процесс *демистификации* опасностей, представление их как потенциально управляемых переменных, в т. ч. на уровне государства и общества.

Логичным шагом на данной траектории исторического развития стало появление наук о безопасности, нормативное закрепление термина «чрезвычайная ситуация», концеп-

туальное оформление понятий «культура безопасности» и «культура безопасности жизнедеятельности».

Заключение. Ретроспективный анализ культуры безопасности жизнедеятельности, включающей подчиненные социальным нормам поведенческие модели, мировоззренческие установки и ценностные ориентиры, четко демонстрирует наличие двух ее существенных измерений. Во-первых, речь идет о регулятивах, вырабатываемых человеком персонально, а также усвоенных им нормам того сообщества, к которому он принадлежит. Во-вторых, следует упомянуть о сформированных государственными институтами правовых инструментах, привносимых в жизнь конкретного сообщества извне. Основная сложность нередко заключается в том, каким именно образом упомянутые измерения взаимодействуют: по логике государственных институций они должны совпадать, но различные группы населения нередко не готовы принять положения законов (особенно касательно предупредительных мер) в качестве руководства к повседневному действию.

Применительно к архаическим, традиционным сообществам это можно было объяснить феноменом пралогического мышления – с точки зрения заложенных в нем способов объяснения событий логика правовых систем может вообще оставаться в «слепой зоне». Однако и в ходе урбанизации и модернизации общества ситуация изменилась не столь кардинально, как можно было ожидать. Если мифологические способы объяснения отошли на второй план и составили пласт классического и городского фольклора, то укорененность небезопасного поведения в коллективной жизни сохранилась едва ли не в полной мере («если большинство не видит, не знает, не следует неким привнесленным извне нормативам, я тоже не буду»), сформировав своего рода культуру «выученного безразличия». Н. Снеессарев, анализируя в конце XIX в. антропогенные причины пожаров, свидетельствовал: «...сплошь и рядом сжигание жнивья вызывает пожар... Никогда не принимается в расчет возможная перемена ветра... “Ахти грех какой”, – говорит невольный поджигатель и чешет себе затылок... Смотришь, через несколько дней в соседней деревушке та же история. “Да ведь вы знали, что позавчера Марьино от этого же сгорело?” – спрашиваешь погорельцев. “Знать-то знали, да думали, что авось обойдется. Бог милостив”» [45, с. 60]. Такая ситуация в итоге приводила к отсутствию ожидаемой обратной связи между числом пожаров и государственных мер по огнеспасению, а внедрение бытовых новшеств (табакокурение, освещение и т. п.) лишь увеличивало риски [46, с. 74].

Приведенные данные, как и многие другие (в т.ч. современные) свидетельства о бытующих практиках безопасности, заставляют сделать предположение об отсутствии развитых когнитивных механизмов «перекодирования» информации о потенциальных угрозах на аффективно окрашенный язык персональной повседневности (постоянная тревога по поводу потенциальных угроз скорее патологична; государственные инициативы «мало касаются меня непосредственно» и т. п.). Регулярная повторяемость одних и тех же катастроф, постоянная реконструкция рисков указывают на неспособность многих индивидов и сообществ к осознанию и рациональному осмыслению причинно-следственных связей факторов катастроф как мотива для поведенческих изменений. Вероятно, подобные механизмы имеют социальную природу, и при отсутствии в сообществе интенций по их выработке, их формирование индивидом происходит вопреки «социальной воле», и поэтому они должны быть привиты извне (например, пропагандой, воспитанием и обучением [47, с. 1]).

Примерно такие представления лежат в основе современного понятия «культура безопасности (жизнедеятельности)». С точки зрения заложенной в дефиниции логики оперативнее реагировать на прирастание сложности социальной жизни возможно именно на организационном (т. е. на общественно-бытовом) уровне. Агентом, иницирующим социальные изменения, становится конкретная социальная организация, и уже в ходе профессиональной социализации человека более вероятно усвоение им навыков безопасной жизнедеятельности. Однако успешное применение последних возможно лишь в условиях, когда оно будет безусловным требованием *профессионального сообщества*. И тогда, возможно, будет реализовано условие, согласно которому «борьба со стихией катастроф может рассчитывать на эффект... если эти катастрофы встретят на своем пути осмысляемую и упорядоченную стихию массовой культуры» [6, с. 324].

ЛИТЕРАТУРА

1. Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности: терминология, используемая в области ядерной безопасности и радиационной защиты. – Международное агентство по атомной энергии. – Вена, 2008. – 295 с.
2. Воробьев, Ю.Л. Основы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения / Ю.Л. Воробьев, В.А. Пучков, Р.А. Дурнев; под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. – МЧС России. – М.: Деловой экспресс, 2006. – 316 с.
3. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура безопасности жизнедеятельности. Общие положения: ГОСТ Р 22.3.07-2014. – Введ. РФ 2014-10-01. – М.: Стандартиформ, 2014. – 8 с.
4. Croeber, A.L. Culture. A critical review of concepts and definitions / A.L. Croeber, C. Kluckhohn. – Cambridge, Massachussets: Published by the museum, 1952. – 223 p.
5. Культура безопасности. Доклад международной консультативной группы по ядерной безопасности. – Вена, 1991. – 39 с.
6. Ахиезер, А.С. Катастрофы в природе и обществе как нравственная проблема (на историческом опыте России) / А.С. Ахиезер // Труды. – М.: Новый хронограф, 2006. – С. 157–330.
7. История пожарной охраны. Краткий курс: учебник, в 2 ч. / Под ред. проф. В.А. Абрамова. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2005. – Ч. 1. – 285 с.
8. Сергеев, М.Е. Жизнь Древнего Рима / М.Е. Сергеев. – М.: Наука, 1964. – 336 с.
9. Раппопорт, П.А. Древнерусское жилище / П.А. Раппопорт. – Л.: Наука, 1975. – 180 с.
10. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: КРАСАНД, 2012. – 264 с.
11. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М., 2003. – 672 с.
12. Кузнецов, В.Н. Культура безопасности: социологическое исследование / В.Н. Кузнецов. – М.: Наука, 2001. – 316 с.
13. Могилевская старина. Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей» / под ред. Е.Р. Романова. – Вып. 3, годы 1902-1903. – Могилев: Типография губернского правления, 1903. – 127 с.
14. Материалы по этнографии Гродненской губернии / по поручению Виленского учебного округа редактировал Е. Романов. – Вып. 1. – Вильно: Издание Управления Виленского учебного округа, 1911. – 238 с.
15. Сержпутоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. Сержпутоўскі. – Мінск, 1930. – 276 с.
16. Булгаковский, Д.Г. Пинчуки/ собрал в Пинском уезде Минской губернии Д.Г. Булгаковский. – СПб.: в типографии В. Безобразова и К, 1890. – 200 с.
17. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1909. – Т. 1: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность.
18. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы / Ф.С. Капица. – М.: Наука: Флинта, 2006. – 216 с.
19. Малиновский, Б.К. Магия, наука и религия / Б.К. Малиновский. – М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
20. Киркор, А.К. Белорусское полесье / А.К. Киркор // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семенова. – Т. 3. – Ч. 2. – СПб.-М., 1882.
21. Вульф, К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / К. Вульф. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 164 с.
22. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 253 с.
23. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М.: Академический Проект, 2015. – 430 с.
24. Стоянова, И.Я. Пралогические образования в норме и патологии: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 19.00.04 / И.Я. Стоянова; Томский гос. ун-т. – Томск, 2007 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/pralogicheskie-obrazovaniya-v-norme-i-patologii#ixzz51j6Gsqm5>. – Дата доступа: 24.11.2017.
25. Доклады Минской губернской земской управы II очередному земскому собранию по

- противопожарным мероприятиям и огнестойкому строительству. – Минск: Губернская типография, 1913. – 62 с.
26. Свод уставов пожарных Свода законов Российской империи 1832 года. Перевод на современный гражданский алфавит // Пожарный устав Российской империи: хрестоматия / под общ. ред. В.С. Артамонова. – 2-е изд., доп., испр. – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. – С. 47–96.
27. Устав пожарный Свода законов Российской империи 1857 года. Перевод на современный гражданский алфавит // Пожарный устав Российской империи: хрестоматия / под общ. ред. В.С. Артамонова. – 2-е изд., доп., испр. – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. – С. 97–141.
28. Вайнштейн, С.Я. Борьба с сельскими пожарами / С.Я. Вайнштейн // Труды Первого высочайше утвержденного Съезда русских деятелей по пожарному делу / под ред. графа П.Ю. Сюзора [и др.]. – В 2-х томах. – СПб.: Паровая типография Муллер и Богельман, 1893. – Т.1. – С. 237–252.
29. Барнардацци, А. Некоторые мысли об организации обороны от огня / А. Барнардацци // Труды Первого высочайше утвержденного Съезда русских деятелей по пожарному делу / под ред. графа П.Ю. Сюзора [и др.]. – В 2-х томах. – Т.1. – СПб.: Паровая типография Муллер и Богельман, 1893. – Т.1. – С. 67–74.
30. Нормальный устав для добровольных пожарных дружин в колхозах: сб. инструкций и законоположений по пожарной охране для сельских местностей. – Полоцк: Друк. «Ч.П.», 1934. – С. 1–14.
31. Доклад о глобальных катастрофах. Краткое изложение – Женева: Междунар. федерация о-в Красного Креста и Красного Полумесяца, 2001. – 35 с.
32. Бараноўскі, А. Змаганне з пажарамі / А. Бараноўскі. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. – 95 с.
33. Законы Хаммурапи [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>. – Дата доступа: 24.11.2017.
34. Хеттские законы. Первая таблица // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hett.htm>. – Дата доступа: 24.11.2017.
35. Законы XII таблиц. Таблица VIII [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975>. – Дата доступа: 24.11.2017.
36. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века [Электронный ресурс // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/mediev.htm>. – Дата доступа: 24.11.2017.
37. Салическая правда [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm>. – Дата доступа: 24.11.2017.
38. Русская правда [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html>. – Дата доступа: 24.11.2017.
39. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>. – Дата доступа: 24.11.2017.
40. Фетисова, Ю.В. Культура безопасности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Ю.В. Фетисова. – Омск, 2009. – 28 с.
41. Frycz Modrzewskie Andrzej. O naprawie rzeczypospolitej. Z przekładu Cypryjana Bazylika (r. 1577). – Warszawa: E. Wende i S-ka. – 1914.
42. Обзор Минской губернии за 1881 год. – Минск: Губ. тип., 1882. – 41 с.
43. Памятная книжка Минской губернии на 1883 г. – Минск: Мин. губ. стат. ком., 1873. – 270 с.
44. Командно-инженерный институт: История становления и развития / Под ред. В.П. Астапова. – Минск: КИИ МЧС, 2002. – 68 с.
45. Снессарев, Н. Пожары в селениях / Н. Снессарев // Пожарный. Вестник пожарного дела в России. – 1892. – № 2. – С. 57–64.

46. Бессонов, К.И. Слово к Съезду русских деятелей по пожарному делу / К.И. Бессонов // Труды Первого высочайше утвержденного Съезда русских деятелей по пожарному делу / под ред. графа П.Ю. Сюзора [и др.]. – В 2-х томах. – Спб.: Паровая типография Муллер и Богельман, 1893. – Т. 1. – С. 74–77.
47. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура безопасности жизнедеятельности. Термины и определения: ГОСТ Р 22.3.08-2014. – Введ. РФ 2014-10-01. – М.: Стандартиформ, 2014. – 7 с.

FORMATION OF LIFE SAFETY CULTURE: SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND HISTORICAL EXCURSION

Alexander Gerasimchik, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor

Alexey Bogdanovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor

Victor Karpievich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor

Vsevolod Sergeev, PhD in Historical Sciences, Associate Professor

The state educational establishment «University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus», Minsk, Belarus

Purpose. To demonstrate the evolution of cultural practices, united by the term «safety culture».

Methods. General logical methods, conceptual analysis, retrospective analysis, problem-chronological method, synchronic method, prototypical approach, ideal-typical approach, typological approach.

Findings. The safety culture is a multiple-aspects phenomenon and includes two dimensions: a safety culture «from down» and a safety culture «from top». Both dimensions are in a complex relationship, which is reflected in a large array of ethnographic, historical, psychological and sociological data.

Application field of research. The specific character of everyday safety practices is of fundamental importance in the process of forming of life safety culture.

Conclusion. The formation of life safety culture is to be carried out within the process of socialization in the form of teaching key skills, giving the high priority to safety issues.

Keywords: life safety culture, psychology of safety, sociocultural practices, pralogical thinking, rationalization of risks, socialization, collective representations.

(The date of submitting: December 26, 2017)

REFERENCES

1. *Glossariy MAGATE po voprosam bezopasnosti terminologiya, ispol'zuemaya v oblasti yadernoy bezopasnosti i radiatsionnoy zashchity* [IAEA Safety Glossary terminology used in the field of nuclear safety and radiation protection]. Mezhdunarodnoe agentstvo po atomnoy energii. Vena. 2008. 295 p. (rus)
2. Vorob'ev Yu.L., Puchkov V.A., Durnev R.A. *Osnovy formirovaniya kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti naseleniya* [Basics of forming a safety culture for the population]; under the general editorship Yu.L. Vorob'eva. MChS Rossii. Moscow: Delovoy ekspres. 2006. 316 p. (rus)
3. *Bezopasnost' v chrezvychaynykh situatsiyakh. Kul'tura bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. Obshchie polozheniya: GOST R 22.3.07-2014* [Safety in emergency situations. Culture of life safety. General Provisions]. – introduced RF 2014-10-01. Moscow: Standartinform. 2014. 8 p. (rus)
4. Croeber A.L., Kluckhohn C. *Culture. A critical review of concepts and definitions*. Cambridge, Massachusetts: Published by the museum. 1952. 223 p.
5. *Kul'tura bezopasnosti* [Safety culture]. Report of the International Advisory Group on Nuclear Safety. 1991. 39 p. (rus)
6. Akhiezer A.S. *Katastrofy v prirode i obshchestve kak npravstvennaya problema (na istoricheskom opyte Rossii)* [Catastrophes in nature and society as a moral problem (on the historical experience of Russia)]. Moscow: Novyy khronograf. 2006. Pp. 157–330. (rus)
7. *Istoriya pozharной okhrany. Kratkiy kurs: Uchebnyk: V 2 ch. Ch. 1* [History of fire protection. Short Course: Textbook] / Pod red. prof. Abramova V.A.. Moscow: Akademiya GPS MChS Rossii. 2005. 285 p. (rus).
8. Sergeenko M.E. *Zhizn' Drevnego Rima* [The Life of Ancient Rome]. Moscow: Nauka, 1964. 336 p. (rus)
9. Rappoport P.A. *Drevnerusskoe zhilishche* [Old Russian dwelling]. Leningrad: Nauka, 1975. 180 p. (rus)
10. Levi-Bryul' L. *Sverkh'estestvennoe i priroda v pervobytnom myshlenii* [Supernatural and the nature in primitive thinking]. Moscow: KRASAND, 2012. 264 p. (rus)
11. *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Great psychological dictionary]: edited by Meshcheryakova B.G., Zinchenko V.P. Moscow, 2003. 672 p. (rus)
12. Kuznetsov V.N. *Kul'tura bezopasnosti: sotsiologicheskoe issledovanie* [Safety culture: case study]. Moscow: Nauka. 2001. 316 p. (rus)

13. Mogilevskaya starina. Sbornik statey «Mogilevskikh gubernskikh vedomostey» [Mogilev's antiquity. Collection of articles of the Mogilev Provincial Journal]: edited by Romanov E.R. Issue 3, years 1902–1903. Mogilev: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 1903. 127 p. (rus)
14. *Materialy po etnografii Grodnenskoj gubernii*. [Materials on ethnography of the Grodno province] Issue 1. Po porucheniyu Vilenskogo uchebnogo okruga redaktiroval Romanov E. Izdanie Upravleniya Vilenskogo uchebnogo okruga, Vilnus. 1911. 238 p. (rus)
15. Serzhputowski A.K. *Prymkhi i zababony belarusaw-paleshukow* [Belorussian's Superstitions and prejudices on the Polesie]. Minsk. 1930. 276 p. (by)
16. Bulgakovskiy D.G. *Pinchuki (sobral v Pinskom uezde Minskoy gubernii D.G. Bulgakovskiy)*. Sankt-Peterburg: v tipografii V. Bezobrazova i K, 1890. 200 p. (rus)
17. Dovnar-Zapol'skiy M.V. *Issledovaniya i stat'i. T. 1. Etnografiya i sotsiologiya, obychnoe pravo, statistika, belorusskaya pis'mennost'* [Research and articles. Vol. 1. Ethnography and sociology, customary law, statistics, Belarusian script]. Kiev. 1909. (rus)
18. Kapitsa F.S. *Slavyanskije traditsionnye verovaniya, prazdniki i ritualy* [Slavic traditional beliefs, holidays and rituals] Moscow: Nauka: Flinta, 2006. 2016 p. (rus)
19. Malinovskiy B.K. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science and Religion]. Moscow: Refl-buk, 1998. 288 p. (rus)
20. Kirkor A.K. *Belorusskoe poles'e* [Belarusian Polesye] *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom ekonomicheskom i bytovom znachenii*. Edited by Semenova P.P. Vol. 3. Part 2. St. Peterburg–Moscow, 1882. (rus)
21. Vul'f K. *K genezisu sotsial'nogo. Mimesis, performativnost', ritual* [To the genesis of the social. Mimesis, performativity, ritual]. St. Peterburg: Intersotsis. 2009. 164 p. (rus)
22. Bayburin A. K. *Ritual v traditsionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and Semantic Analysis of the Eastern Slavic Rites] St. Peterburg: Nauka. 1993. 253 p. (rus)
23. Levi-Bryul' L. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow: Akademicheskij Proekt. 2015. 430 p. (rus)
24. Stoyanova I.Ya. *Pralogicheskie obrazovaniya v norme i patologii* [Pralologic formations in norm and pathology]: Grand PhD psych. sci. diss. Synopsis: 19.00.04; Tomsk State University. – Tomsk, 2007. Available at: <http://www.dissercat.com/content/pralogicheskie-obrazovaniya-v-norme-i-patologii#ixzz51j6Gsqm5> (accessed: november 24, 2017). (rus)
25. *Doklady Minskoy gubernskoy zemskoy upravy II ocherednomu zemskomu sobraniyu po protivopozharnym meropriyatiyam i ognestoykomu stroitel'stvu* [Reports of the Minsk Provincial Zemstvo Board to the II Zemstvo meeting on fire prevention and fire-resistant construction]. Minsk: Gubernskaya tipografiya, 1913. 62 p. (rus)
26. *Svod ustavov pozharnykh Svoda zakonov Rossiyskoj imperii 1832 goda. Perevod na sovremennyj grazhdanskiy alfavit* [A Set of Fire Charters of the Set of Laws of the Russian Empire of 1832. Translation into modern civil alphabet] *Pozharnyy ustav Rossiyskoj imperii: khrestomatiya*. Edited by V.S. Artamonova. St. Peterburg: Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia. 2015. Pp. 47–96. (rus)
27. *Ustav pozharnyy Svoda zakonov Rossiyskoj imperii 1857 goda. Perevod na sovremennyj grazhdanskiy alfavit* [A Set of Fire Charters of the Set of Laws of the Russian Empire of 1832. Translation into modern civil alphabet] *Pozharnyy ustav Rossiyskoj imperii: khrestomatiya*. Edited by V.S. Artamonova. St. Peterburg: Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia. 2015. Pp. 97–141. (rus)
28. Vaynshteyn S.Ya. and other. *Bor'ba s sel'skimi pozharami* [Fighting rural fires]. *Trudy Pervogo vysochayshe utverzhdennogo S"ezda russkikh deyateley po pozharnomu delu*. Edited by Count. P.Yu. Syuzor. Vol. 1. St. Peterburg: Parovaya tipografiya Muller i Bogel'man, 1893. Pp. 237–252. (rus)
29. Bernardatstsi A. i dr. *Nekotorye mysli ob organizatsii oborony ot ognya* [Some ideas on the Organization of Fire Defense] *Trudy Pervogo vysochayshe utverzhdennogo S"ezda russkikh deyateley po pozharnomu delu*. Edited by Count. P.Yu. Syuzor. Vol. 1. St. Peterburg: Parovaya tipografiya Muller i Bogel'man, 1893. Pp. 67–74. (rus)
30. *Normal'nyy ustav dlya dobrovol'nykh pozharnykh družhin v kolkhozakh* [A normal charter for voluntary fire brigades on collective farms]. *Sbornik instruktsiy i zakonopolozheniy po pozharnoy okhrane dlya sel'skikh mestnostey*. Polotsk: Druk. «Ch.P». 1934. Pp. 1-14. (rus)
31. *Doklad o global'nykh katastrofakh. Kratkoe izlozhenie* [Report on global disasters. Summary]. Zheneva: Mezhdunar. Federatsiya o-v Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesyatsa. 2001. 35 p. (rus)

32. Baranowski, A. *Zmaganee z pazharami* [Fighting fires]. Moscow: Dzyarzhajnae vydavetstva Belarusi, 1925. 95 p. (rus)
33. *Zakony Khammurapi* [Code of Hammurabi]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (accessed: November 24, 2017). (rus)
34. *Khettskie zakony. Pervaya tablitsa* [Hittite laws. The First table]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hett.htm> (accessed: November 24, 2017). (rus)
35. *Zakony XII tablits. Tablitsa VIII* [Twelve Tables. Table VIII]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (accessed: November 24, 2017). (rus)
36. *Ekloga. Vizantiyskiy zakonodatel'nyy svod VIII veka* [Eclogue. A set of Byzantine laws]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/mediev.htm>. (accessed: November 24, 2017) (rus)
37. *Salicheskaya pravda* [Salic Law]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm>. (accessed: November 24, 2017). (rus)
38. *Russkaya pravda* [Russian Truth]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html> (accessed: November 24, 2017). (rus)
39. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [1649 code of tsar Alexis]: Electronic library of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, available at <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (accessed: November 24, 2017). (rus)
40. Fetisova Yu.V. *Kul'tura bezopasnosti* [Safety culture]: PhD phylos. sci. diss. Synopsis: 09.00. Omsk, 2009. 28 p. (rus).
41. Frycz Modrzewskie Andrzej. *O naprawie rzeczypospolitej. Z przekladu Cyprjana Bazylika* (r. 1577). Warszawa: E. Wende i S-ka. 1914. (pl).
42. *Obzor Minskoy gubernii za 1881 god* [Review of the Minsk province for 1881]. Minsk: Gub. tip., 1882. 41 p. (rus)
43. *Pamyatnaya knizhka Minskoy gubernii na 1883 g.* [Memorial book of the Minsk province in 1883.] Minsk: Min. gub. stat. kom. 1873. 270 p. (rus).
44. *Komandno-inzhenernyy institut: Istoriya stanovleniya i razvitiya* [Command-Engineering Institute: History of formation and development]. Edited by V.P.Astapov. Minsk: KII MChS, 2002. 68 p. (rus).
45. Snessarev N. Pozhary v seleniyakh [Fires in villages] *Pozharnyy. Vestnik pozharnogo dela v Rossii*. 1892. No. 2. Pp. 57–64. (rus).
46. Bessonov K.I. Slovo k S"ezdu russkikh deyateley po pozharnomu delu [Speech to the Congress of Russian Personalities in Firefighting] *Trudy Pervogo vysochayshe utverzhdennogo S"ezda russkikh deyateley po pozharnomu delu*. Edited by Count. P.Yu. Syuzor. Vol. 1. St. Peterburg: Parovaya tipografiya Muller i Bogel'man, 1893. Pp. 74–77. (rus)
47. *Bezopasnost' v chrezvychaynykh situatsiyakh. Kul'tura bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. Terminy i opredeleniya* [Safety in emergency situations. Culture of life safety. Terms and Definitions]: *GOST R 22.3.08-2014*. Introduced RF 2014-10-01. Moscow: Standartinform, 2014. 7 p. (rus).